

А.Ф. Некрылова

**Русские народные городские праздники,
увеселения и зрелища**

Конец XVIII - начало XX века

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.Ф. Некрылова**
Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конец XVIII - начало XX века / А.Ф. Некрылова – М.: Книга по Требованию, 2023. – 191 с.

ISBN 978-5-458-30931-8

Книга знакомит читателя с любопытным элементом городской культуры - с народными увеселениями ярмарок и городских гуляний. Читатель узнает как готовили ученых медведей, что кричали зазывалы в ярмарочные балаганы и какие представления давал Петрушка.

ISBN 978-5-458-30931-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В структуре современной социалистической культуры все большее место занимают зрелищные искусства, которым отводится значительная роль в деле идейного, нравственного, художественного воспитания людей, организации их быта и досуга. «Зрелище становится социально-эстетическим феноменом широчайшего диапазона», — утверждает Я. В. Ратнер, автор исследования «Эстетические проблемы зрелищных искусств»¹, — поэтому нуждается в глубоком осмыслении, изучении его природы, форм и функций, уточнении эстетических характеристик.

Для того чтобы проникнуть в суть зрелищных искусств, необходимо не только проанализировать их как явления сегодняшней действительности, но и знать этапы становления и развития различных типов зрелищ.

Цель настоящей книги — познакомить читателей с одним из интереснейших и важных моментов в истории русской зрелищной культуры — с народными увеселениями ярмарок и городских гуляний России середины XVIII — начала XX века.

Не случайно XVIII век — нижняя граница выбранного нами отрезка времени в жизни русских массовых праздников. Это столетие во многих отношениях было для России переходным моментом, а для ярмарочной площадной культуры стало и отправной точкой, началом яркого и сложного, хотя и сравнительно короткого пути.

Эпоха Петра I знаменовала глубочайшие перемены в жизни страны. Становлению Российской империи способствовали глубокие сдвиги в экономике и политике; все это сопровождалось изменениями в мировоззрении и психологии людей и, разумеется, влекло за собой социальные и культурно-бытовые преобразования.

Из многочисленных явлений культуры и быта, возникших или начавших «новую жизнь» в Петровскую эпоху, обратим внимание на следующие.

Развитие промышленности и рост городов привели к оживлению торговли внутри страны, к созданию единого общероссийского рынка. Резко увеличилось количество ярмарок и их товарооборот, усилился приток иностранных купцов. Уже к началу 1830-х годов в России насчитывалось более 1700 ярмарок с оборотом в сотни миллионов рублей, а к концу столетия в одной только Воронежской губернии устраивалось свыше 600 ярмарок, на которые привозилось товаров на 11,5 миллиона рублей². В Харьковской губернии действовало в году 425 ярмарок, в Полтаве — 372³. На Нижегородской ярмарке в 1875 году в среднем в сутки бывало до 135 398 человек. Любопытно, что число людей определялось по количеству выпеченного хлеба, «полагая по 3 фунта (то есть примерно по 1, 2 кг. — А. Н.) на человека в сутки»⁴.

Кроме непосредственных участников купли-продажи на ярмарки стекалось много, так сказать, «обслуживающего персонала»: продавцов снеди, носильщиков, грузчиков, ростовщиков, увеселителей. Наряду с торговыми палатками возводились трактиры, кабаки, качели, карусели, цирковые и театральные балаганы, позднее — эстрады. Ярмарка привлекала и «темный» люд: воров, шулеров, нищих, безработных и т. п.

Площадь, бывшая центром общественной и торговой жизни города, стала с XVIII века и местом проведения массовых празднеств.

Многолюдные гулянья и праздники всегда входили в городской быт, но на протяжении долгого времени они полностью копировали крестьянскую традицию: устраивались в те же календарные сроки и в тех же формах (ряженые на святках, катание на лошадях и с ледяных гор на масленицу, качели на пасху, завивание венков и хороводы «на природе» на троицу и т. п.). Сами гулянья назывались в народе «под горами» или «под качелями».

С XVIII века заметно различается быт городов и деревень. Перемещение традиционных сельскохозяйственных празднеств в новые, городские условия не могло не сказаться на их характере. В атмосфере промышленного города нарушаются такие существенные черты крестьянского праздника, как его строгая регламентация и обрядность, перестает ощущаться магическая сторона действий и слов, уходят из памяти неконные мотивировки и языческая предназначенность праздника. Резко меняется также состав участников гуляний и ярмарок, здесь сталкивается огромное число людей, представителей всех сословий, многих местностей и национальностей. Гулянья становятся открытой системой и легко впитывает в себя элементы и формы различных традиций, сфер быта, культуры, искусства.

В. О. Ключевский отмечал, что еще с середины XVII века на русском обществе «стала действовать иноземная культура, богатая опытами и знаниями»⁵, причем это западное влияние неравномерно проникло в разные слои населения, коснувшись прежде всего его верхних кругов. Произошло и социальное расслоение в сфере потребления искусства: в то время как крестьянское население по-прежнему хранило традиционную культуру, высшее сословие ориентировалось на Запад, перенимало обычаи, подражало модам европейской знати, городские же низы, непривилегированная часть жителей крупных городов ощущали необходимость в создании своего искусства — так начал формироваться городской фольклор.

Слишком решительные и смелые реформы нередко встречали непонимание и отпор в различных кругах патриархальной России, поэтому Петр «настойчиво искал новые формы и методы проведения пропагандистской кампании в поддержку своих начинаний»⁶.

Так, в 1702 году Петр I распорядился воздвигнуть в самом центре Москвы, на Красной площади, «комедийную хоромину» — первый публичный театр, на представления которого могли приходиться все желающие.

По словам крупнейшего исследователя ранней русской драматургии, Н. С. Тихомирова, «театр должен был служить Петру тем, чем была для него горячая, искренняя проповедь Феофана Прокоповича: он должен был разъяснить всенародному множеству истинный смысл деяний преобразователя»⁷. Как известно, с этой задачей труппа «комедийной хоромины» не справилась, однако интерес к театру пробудился в разных слоях городского населения: «в России второй четверти XVIII века бытовали театры: придворный, школьный, городской демократический и устный народный»⁸.

В какой-то мере требованиям Петра отвечали панегирические драмы, разыгрывавшиеся на сцене Славяно-греко-латинской академии и Московского госпиталя. «Торжественным аллегорическим действием «Божие уничижителей гордых... уничижение» была ознаменована (февраль 1710 года) в Московской академии полтавская победа. В ее основу положено библейское предание о победе Давида над Голиафом»⁹. Подобные пьесы представляли собой нагромождение аллегорий и сим-

слов, далеко не всегда понятных рядовому зрителю, но использование ложных постановочных приемов «делало их исключительно театральными»¹⁰; последнее отчасти было взято на вооружение городским демократическим театром, а затем и балаганами.

Для популяризации своих преобразований Петр I прибегал и к таким публичным зрелищам, как уличные маскарады, торжественные шествия (обязательно предполагавшие возведение триумфальных ворот), иллюминации, пародийные обряды и т. п. Здесь, с одной стороны, использовались традиции народного святочного и масленичного ряжения, а с другой — символы и аллегории школьного театра. Напомним празднование Ништадтского мира в Петербурге и Москве (конец 1721-го — начало 1722 года): «Сентября 10-го открылся народный маскарад, где особенно казался забавным народу Бахус, окруженный линущими сатирами, петухами, журавлями и медведями. Сентября 17-го увеселяли народ травлею льва с медведем; 28-го было гулянье в Летнем саду. <...> Народу объявлены были милости — прощены преступники, сложены недоимки и штрафы. Жареные быки, груды кашачей и фонтаны пива и вина были выставлены на площади для народного шествия»¹¹. Празднества в январе 1722 года продолжались в древней столице, там «народ особенно изумлялся флоту, ездившему по московским улицам: впереди поезда ехала раззолоченная галера, где сидели император, генералы, министры, послы; раззолоченными веслами гребли богато одетые гребцы. Затем следовал фрегат с мачтами и пушками; матросы производили команду, пушки налили салюты. <...> День заключился великолепным фейерверком и катанием в садах»¹².

Петр увлекался фейерверками и часто «принимал в них непосредственное участие, не жалея на их устройство денег»¹³, поскольку фейерверки обладали огромной зрелищной эффектностью и доступны были широкому кругу зрителей. В тот самый день, когда Петра I торжественно провозгласили императором всероссийским, в небе Петербурга загорелся «храм Януса, освещенный 20 000-ми разноцветных огней. Два огненных воина приблизились ко храму, затворили дверь его и подали друг другу руки. Гром тысяч пушек грянул в сию минуту; несколько тысяч ракет взлетело в воздух, и от сего такой огонь сочинился, что казалось, Нева загорелась. На щите явилось изображение правды с надписью „Всегда победит!“. На другом щите видны были входящий в пристань корабль и слова „Конец дело венчает“»¹⁴.

Опыт фейерверочного театра, «огненных действий», как их тогда называли, позднее использовался и для создания сценических эффектов в театральных постановках и в балаганных феериях.

XVIII век не без основания называют «играющим веком». Действительно, игровая стихия захватила многие стороны общественной жизни и быта, сама культура носила отчасти игровой характер¹⁵. Однако это столетие по праву считается и временем просвещения. Изменения в экономической, политической и культурной жизни России требовали все большего числа грамотных, знающих людей. Развивалось книгопечатание, расширялся круг читателей, зарождалась и новая литература, отвечающая интересам демократических слоев городского населения. На рубеже XVII—XVIII столетий зачитывались похождениями купеческого сына Саввы Грудцына и мелкого дворянина Фрола Скобеева — героев, каких не знала древнерусская литература. Большое распространение в рукописной светской литературе того времени получили и «жарты» — небольшие стихотворные произведения комического или сатирического характера (типа анекдота, бытовой новеллы), утверждающие в качестве положительных, ценных качеств человека здравый

смысл, хитрость. И оригинальная русская бытовая повесть, и жарты, и сатирические произведения широко использовали отечественный фольклор, западный авантюрно-рыцарский роман, авторы их предпочитали разговорный язык с привлечением форм и выражений из области приказного делопроизводства¹⁶.

С конца XVII века все более популярными становились светские лубочные картинки, среди которых значительный процент составляли западноевропейские «потешные» листы, русские лубки с изображением шутов, скоморохов, народных праздников и гуляний, сказочных героев. В XIX веке на смену им пришли лубочные книжки с текстами повестей, сказок, сатир, пользующиеся повышенным спросом в среде читающей демократической публики.

Характернейшей чертой России XVIII века был и наплыв в страну иностранцев, в том числе бродячих актеров, познакомивших население (прежде всего городское) с европейским ярмарочным искусством.

Формирующийся площадной фольклор вбирал в себя и традиционные народные зрелища: выступления кукольников, вожаков медведей, музыкантов и балагуров. Из года в год городская площадь впитывала, отбирала, перерабатывала весь разнообразный материал, выплескивающийся сюда в праздничные дни, приспособливая его к требованиям основного своего посетителя, в то же время формируя его вкусы и запросы. Все это привело к тому, что на ярмарках и гуляньях возводились целые увеселительные городки, включавшие как старые, так и новые, не известные деревенской России развлечения и зрелища.

Ярмарки и народные гулянья занимали в жизни русского городского населения очень заметное место, но ни в XIX, ни в XX веке не стали предметом специального глубокого исследования.

XIX век раскрыл перед образованными людьми, успевшими за два столетия далеко отойти от своей народной культуры, бесценные сокровища русского фольклора. Началась интенсивная работа по сбору и осмыслению устного народного творчества. Понятно, что богатый живым и неизученным фольклором прошлый век сосредоточил внимание на классическом наследии народного искусства: былинах, сказках, традиционной крестьянской лирике, обрядовом фольклоре. Молодое, пустовавшее веками искусство городского демократического населения практически осталось за пределами научных и собирательских интересов ученых и любителей-энтузиастов.

Тем не менее мы располагаем довольно большим количеством описаний ярмарочных и городских увеселений. За редким исключением все они относятся к XIX веку и содержатся главным образом в периодике, мемуарах, дневниках и бытовых очерках. Источники очень неравноценные как с точки зрения количества и качества материала, так и в смысле подхода, оценок, которые давались этому материалу. Не соглашаясь в целом ряде случаев с авторами в трактовке многих явлений городской народной культуры, правомерно использовать конкретные факты, сведения, имеющиеся в их работах. Поэтому в предлагаемой книге — цитаты из газет и журналов разных направлений, в частности из корреспонденций Ф. В. Булгарина в «Северной пчеле», и рядом с этим — выдержки из очерков В. А. Слепцова, Г. И. Успенского, этнографа и революционера Г. И. Прыжова, примеры из статей В. Г. Белинского и произведений писателя Ивана Щеглова (И. Л. Леонтьева) и многих других.

Одна из главных трудностей, с которой пришлось столкнуться, состоит в том, что даже подробные описания ярмарок и гуляний не всегда включали образцы народного красноречия и балагурства или огра-

ничивались одним-двумя примерами. Понятно, какую ценность представляют достоверные тексты, собранные отдельными учеными и любителями народной словесности. Так, в 1860—1870-е годы известный общественный деятель, краевед, редактор местных изданий А. С. Гацинский опубликовал записи нижегородских ярмарочных раешных прибауток¹⁷. Собирателем и исследователем народной гравюры Д. А. Ровинский, который выпустил в 1881—1893 годах пять томов описаний и четырехтомный Атлас русских народных картинок, включил в них подробные пересказы традиционной уличной комедии с Петрушкой и медвежьей потехи¹⁸. В. И. Кельсиев, живший долгое время в эмиграции и издававший вместе с П. П. Огаревым газету «Общее вече» — приложение к герценовскому «Колоколу», по возвращении в Россию, в 1871 году, записал от двух петербургских балаганных дедов-зазывал их прибаутки, которые увидели свет лишь в 1889 году¹⁹. В конце XIX века сбором материалов по народному театру занялся П. Н. Тиханов. В его архиве имеются тексты петрушечных представлений и комических диалогов, которые звучали с балконов балаганов и цирков²⁰. Актер и антрепренер конца прошлого столетия М. В. Лентовский, мечтавший о создании народного театра и отличавшийся талантом и большой изобретательностью в устройстве народных гуляний, собирал прибаутки балаганных зазывал, записывал сценки, которые разыгрывались народными комиками перед празднично настроенной толпой, гуляющей под балаганами²¹. Богатейшая коллекция выкриков и приговоров мелких торговцев начала XX века принадлежит этнографу и фольклористу В. И. Симакову²².

Многие произведения, звучавшие на праздничной площади, остались в памяти устроителей и участников гуляний и попали на страницы их книг. Трудно переоценить значение воспоминаний владельца крупнейших балаганов А. В. Лейферта²³, одного из первых русских профессиональных режиссеров-постановщиков по части народных гуляний и площадных театров А. Я. Алексеева-Яковлева²⁴, старейшего артиста советского цирка клоуна Д. С. Альперова²⁵.

Невозможно подробно останавливаться на причинах, побудивших каждого из названных здесь собирателей, деятелей культуры и науки обратиться к зрелищному фольклору, к ярмарочным развлечениям. Важно отметить, что интерес к этому виду народного творчества наблюдается на протяжении всего XIX века, правда, как уже говорилось, интерес незначительный по сравнению с вниманием, которое уделялось классическим жанрам фольклора. Изучение же народно-площадного искусства началось лишь на рубеже столетий, когда появились первые работы А. Д. Алферова и В. Н. Перетца, посвященные кукольному театру²⁶.

Всерьез городской ярмарочный фольклор стал изучаться уже в советское время. Начало положила книга «Театр Петрушки» О. В. Цеховицера и И. П. Еремина²⁷. В 1953 году вышла подготовленная П. Н. Берковым антология «Русская народная драма XVII—XX веков», куда были включены тексты и описания народных интермедий, театра «Петрушки», райка, выступлений балаганных и карусельных дедов, медвежьей комедии, а во вступительной статье и комментариях делалась попытка осветить «основные особенности и охарактеризовать главные этапы» развития русского народного театра²⁸.

Большую роль в деле изучения городской зрелищной культуры России XIX века сыграли книги по истории русского театра В. Н. Всеволодского-Гернгросса²⁹ и В. Д. Кузьминой³⁰. Огромный материал и очень интересные мысли, наблюдения содержатся в исследованиях Е. М. Кузнецова³¹ и Ю. А. Дмитриева³².

Стимулом к исследованию городской зрелищной культуры несомненно послужила и книга М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса»³³. Благодаря ей были обнаружены многочисленные параллели между русскими ярмарочными увеселениями и западноевропейскими карнавалами. Одним из первых отметил это видный советский фольклорист и историк культуры Н. Г. Богатырев³⁴, который на примерах разных жанров выявил те художественные средства, стилистические приемы, какие объединяют русский ярмарочный фольклор с явлениями смеховой культуры, описанной в книге М. М. Бахтина. С тех же позиций Д. С. Лихачев рассматривает балагурство балаганных дедов³⁵.

В современной фольклористике заметно усилился интерес к народному театру, что повлекло за собой обращение к зрелищному фольклору ярмарок и гуляний. Н. П. Савушкина последней главой своей книги «Русский народный театр»³⁶ посвящает райку, балаганным и кукольным представлениям. «Деды» — зывалы балаганов и каруселей становятся объектом внимания В. Е. Гусева³⁷. «Развитие фольклорных традиций русского искусства на народных гуляниях» — тема кандидатской диссертации А. Г. Левинсона, защита которой состоялась в 1980 году³⁸.

В последнее время особую актуальность приобрела проблема праздника. Так, в работах Д. М. Генкина, А. И. Мазаева, Я. В. Ратнера³⁹ делаются успешные попытки теоретического осмысления праздника как проявления особой деятельности человека, установления социальной сущности, места и роли праздника в развитии культуры и искусства. Обращение к русским ярмарочным увеселениям, помимо конкретного знакомства с чрезвычайно специфической и удивительно интересной стороной городской жизни России двух прошедших столетий, без сомнения, внесет свою лепту в решение сложных вопросов, связанных с выявлением художественных принципов пространственно-временной организации праздников и крупных театрально-зрелищных форм, со спецификой праздничного поведения и общения людей, с использованием фольклорных традиций при проведении массовых мероприятий, рассчитанных на широкий круг участников.

На материале городского зрелищного фольклора можно успешно изучать такие явления и процессы в жизни произведений народного искусства, как трансформации, вариативность, всевозможные переходные, промежуточные моменты становления жанра, взаимодействие разных национальных традиций, влияние на фольклор профессионального искусства.

Праздничная площадь интересна и тем, что ее зрелищные формы и увеселения создавались на стыке двух культур — аграрной и индустриальной.

Сложность (неоднородность и многосоставность) истоков породила необычайную нестроту зрелищных форм, ставшую специфическим признаком городской площади во время народного гулянья. В наши дни все чаще и настойчивей ставится проблема изучения «механизма» формирования массового искусства, законов, по каким оно создается, и средств воздействия на широкие круги населения. В качестве примера можно назвать книгу Н. М. Зоркой «На рубеже столетий», выпущенную из печати в 1976 году.

Теперь, когда зрелищное народное искусство привлекает все большее число ученых — литературоведов, историков, фольклористов, культурологов, социологов, театроведов, философов, — особенно ясно чувствуется нехватка специального исследования, целиком посвященного данному виду народного творчества. Кроме того, в научный обиход введен

все же очень немногочисленный материал, до сих пор еще не систематизированный и не собранный воедино. Поэтому главной нашей задачей было по возможности полно описать те основные развлечения, какими заполнялась праздничная площадь во время ярмарок и народных гуляний в городах. Медвежья потеха, кукольный театр, раек и различные виды балконных выступлений выбраны не случайно. С одной стороны, это наиболее яркие, популярные, типичные виды народных площадных увеселений, с другой — они дают возможность показать, что городская площадь оказалась тем резервуаром, куда сливались разные по происхождению, по времени возникновения виды народного искусства, создавая особый мир городской праздничной площади со своей особенной атмосферой, эстетикой, стилистикой.

Праздничная ПЛОЩАДЬ

*Хмельно, горласто, празднично,
Пестро, красно кругом!*

А. Н. НЕКРАСОВ.

Кому на Руси жить хорошо

*Не моему слабому перу, да и красок таких у меня нет,
изобразить прежнюю ярмарку, а для будущего быто-
писателя это было бы весьма любопытно и поучительно.*

И. Ф. ГОРБУНОВ.

Уездный город

В русских городах прошлого века на протяжении года проводилось много гуляний, приуроченных к сезонным и церковным праздникам, ярмаркам, иногда и к таким событиям, как победы, коронации и т. п. Устраивались они в разных местах города в зависимости от обычая, от времени года, массовости и популярности праздника.

Многочисленными, разнообразными, собиравшими большие толпы народа были гулянья в Москве. В году их насчитывалось до тридцати¹. Масленичные горы в древней столице, по свидетельствам современников, возводились на Разгуляе, на Неглинной и Москве-реке, в селе Покровском, с середины XIX века под Новинским и на Девичьем поле. Новинское, Марьино роща и Девичье поле были излюбленными местами и веселее-летних гуляний москвичей еще со времен царевны Софьи (тогда они находились за пределами города и славились как живописные окрестности)².

Со второй половины XVIII века устройство гуляний в определенные сроки и в определенных местах прочно вошло и в петербургский быт. А. Я. Алексеев-Яковлев сообщает, что в 1860-е годы катальные горы в Петербурге существовали на Неве, Фонтанке, недалеко от Смольнинского перевоза, на Адмиралтейской площади³. Летние и весенние гулянья устраивали как в самом городе, так и пригородах. Подобные празднества проходили и в других городах России, отличаясь местными чертами, которые создавали «индивидуальное лицо» гуляний. Повсюду, где позволяли природные условия, главным номером праздничной зимней площади были ледяные горы, доступные любому горожанину и приезжему, а также обязательные катания на лошадях. В Петербурге среди зажиточного населения было принято на масленицу совершать загородные прогулки на санях. Истинно петербургской чертой было катание на маленьких чухонских санках, владельцы которых наезжали в столицу «в числе нескольких тысяч на масленицу из окрестных деревень»⁴. Сидеть в этих санках было неудобно, на ухабах грозила опасность вывалиться, но острота ощущений — необходимое условие насто-

Ил. 1, 3, 4,
5, 6, 7

